

Священник Сергей Круглов

Про Н. Костю Иночкина и Ностальжи

Приключения
в жизни будничной
и вечной

Москва • «Никея» • 2021

ББК 82.7
УДК 84(2)6
К 84

Круглов С. Г., свящ.

К 84 Про Н., Костю Иночкина и Ностальжи.
Приключения в жизни будничной и веч-
ной. — М.: Никея, 2021. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-907307-66-7

Проза поэта — нечто особенное: игра смыс-
лов и слов плюс философские наблюдения
и вкрапления настоящей поэзии. А если извест-
ный поэт еще и священник, склонный к юмору,
то прибавим сюда размышления о Боге и забав-
ные истории о любящих Его.

Несколько рассказов «Про Н.» появилось
в знаковом журнале «Новый мир», теперь выхо-
дит их полное собрание в сопровождении «Запи-
сей Н.» — хитроумных и детски простых заметок
литературного героя на полях нашей нынешней
христианской жизни.

ББК 82.7
УДК 84(2)6

© Круглов С. Г., 2021
ISBN 978-5-907307-66-7 © ООО ТД «Никея», 2021

Содержание

От автора.....	7
Про Н., Костю Иночкина и Ностальжи	12
Коронавирусные хроники	145
Из записей Н.	174

От автора

«Что есть человек, что Ты помнишь его?» — этот вопрос был обращен к Богу; мой же вопрос: «Кто такой Н.?» — попроще и обращен к себе самому. Однако отблеск великого вопроса Псалмопевца каким-то боком падает и на мой, неизбежно обнажая экзистенциальную проблему любого автора во все литературные времена: прежде чем ответить себе, кто таков твой персонаж, попробуй ответить, кто таков ты сам. Отвечаю я себе на этот вопрос уже довольно долго, примерно всю свою жизнь, и про окончательный ответ помалкиваю, потому что оного так еще и не нашел; однако есть и насущная злоба дневи сего: «Кто такой Н., откуда он взялся и почему стоит брать в руки эту книжку?» — неизбежно спросят читатели.

Проще всего рассказать, как именно возник Н. и эта книжка. Началось это все в фейсбуке. О социальных сетях интернета и о том, добро они или зло, много спорят, но ведь спорят в этом разрезе и вообще о мире, в котором

мы живем. Зла, греха и туги в нем, увы, немало, но мы-то с вами, христиане, знаем, что мир, в сущности, прекрасен, потому что сотворен Богом, это только грехопадение покатило человечество, как глупого своевольного Колобка, по кривой дорожке. Еще мы знаем, что не уничтожить пришел Бог мир, став в нем Человеком, а спасти, и мы должны эту многообразную жизнь, в том числе и сетевую ее разновидность, не проклинать, а благословлять и исправлять тем, чтобы не умножать в ней зла, а делать добро, по примеру Христову; собственно, за это все неверы, циники и пессимисты мира сего до сих пор и почитают христиан ненормальными.

Итак, примерно пару лет назад в фейсбуке, личную страницу которого я считаю по старинке все-таки не СМИ и не трибуной, а чем-то вроде дневника, даваемого почитать всем желающим, начертал я запись-почеркушку, что-то вроде стихотворного наброска в прозе (опыт таких набросков имел и раньше). Начертал просто так, без цели, только по веянию «гласа хлада тонка» с той же стороны, с которой приходят к поэту стихи, то есть можно сказать — по безотчетному вдохновению. И вставил туда героя почеркушки, назвав его Н. (тут, видимо, сказался и землемер К. из кафковского «Замка», один из моих любимых литературных персонажей, и отголосок песни «Зоопарка» про уездный город Н., то есть отголосок веселой юности, в которой

песня была слушана, и некая лень и нежелание придумывать для такой легковесной мелочи имя посolidнее и позначимее...). Получился такой наш современник, возраста несколько более чем среднего, то есть свою земную жизнь он уже довольно давно прошел до середины, очкастый филолог, горожанин, верующий воцерковленный христианин, но уже без неофитских розовых иллюзий, вечный студент, анахорет и маргинал, поэт — далее ряд определений можно продолжать, однако предоставляю всякому читателю самому для себя вычитать их из книжки. В чем-то, конечно, Н. взят мною из себя — но только в чем-то, отождествить себя с ним я не могу, да и не хочу (если снова касаться того, с чего я начал это вступление), прежде всего потому, что надобно дать ему некую свободу (что такое свобода и независимость персонажа от автора — разговор большой, скажу только, что она точно бывает). То, что я снабдил Н. свойством рефлексии, — вполне закономерно: других персонажей сочинять я и не умею, а то, что снабдил его добротой, умом, совестливостью и чувством юмора, — для меня было необходимо, ибо сам я этими прекрасными качествами обладаю далеко не всегда...

Почти сразу появились и друзья Н., имена их возникли из того же вдохновенного ниоткуда: очаровательная Ностальжи — в чем-то антагонист Н., не жена и не любовница, но старый друг (именно «друг» — слово «подруга» все же

способно увлечь современного читателя в область амурно-гендерных коннотаций), Костя Иночкин (кто ж не любит героя прекрасного фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»!), скорее резонер, чем антагонист, вечный подбивальщик и заводила, простоватый и верный в своей дружбе. Появился и безымянный, но любимый всеми батюшка — мог ли я, священник, в своих рассказах обойти веселые или одиозные церковные темы, важные для меня самого, и мог ли не взять для этого персонажа-сослужителя черты знакомых мне священников... Появились и многие другие, тем же вдохновенно-поэтическим путем и всяк своим чередом: кот Кузьма Скоробогатый, собака Собака, Коронавирус, дедужко майор Пронин, Смерть, Нила Титовна и многие другие.

Возвращаясь к вопросу о том, что это за книжка, каков ее жанр, зачем она читателю (а предполагается, что читатель — искушенный, умный, способный на иронию и, мало того, верующий)... Зачем — каждый уж решит сам, закрыв книжку и либо поставив на полку, чтоб не раз перечитывать на досуге, либо выбросив в мусорное ведро и пожалев о потраченном времени. Жанр же ее я бы определил как «заметки на полях», почеркушки-маргиналии. Пример такого жанра — и знаменитые почеркушки Пушкина на полях своих произведений, в которых трудно отличить беглый рисунок от

правки строки, и очки-усы-сабли, которые мы пририсовывали к портретам классиков на страницах скучных учебников во время школьных уроков, и миниатюры, исполненные цветов, жонглеров и дивных зверушек, украшающие страницы средневековых рукописных фолиантов, расцветивающие сухой компендиум богословских и научных трактатов, и наши вдохновенные пометы на полях жизненно важных для нас книг, в которых мы то спорим с автором, то восторженно соглашаемся, то развиваем обозначенную им мысль. Эти почеркушки — наш живой и неповторимый почерк на полях Книги Жизни, написанной для нас Творцом; как часто мы, перелистывая ее, пытаемся исправить и подчистить начертанное нами, а то и — со стыдом и раскаянием вырвать целые страницы, но, к счастью, никогда не успеваем в этом. «К счастью», потому что, как сказал один поэт, «Бог сохраняет все». Он сохраняет эту пеструю будничную жизнь, жизнь Н., мою, твою, любого из нас — иногда со слезами, иногда с гневом, но всегда с любовью.

Про Н., Костю Иночкина и Ностальжи

Н. устроился на метеостанцию ощущателем.

Сутки через двое.

Работа такая: каждые четыре часа выбегать из балка метеостанции наружу, распахивать халат, запахивать, забегать обратно, писать в сводке: «-5, ощущается как -28».

Ночами Н. преследуют кошмары: что сотрудники четырех региональных отделений полиции преследуют его как эксгибициониста, замирают в кустах, роют норы и укывища, пищат рациями, хихикают, вытягивают черные тонкие рыла, нюхают воздух, зубами стучат...

Н. просыпается, как в той песне «Нау», в холодном поту.

Он стал сентиментален и раздумчив, при звенящем драгоценном старинном слове «ятра» на глазах его выступают слезы.

Он никогда не выходит наружу, если окрест есть дети, не из боязни той полиции или там по вычитанным убеждениям, а просто потому что Н. — он такой. (Он знает: каков бы ни был мороз на улице, эти дети все равно выбегут, схватят свои салазки и клюшки, заорут: «Сёдни не учимся!» — и помчат в своих сиреневых штанах с начесом, натянутых на валенки, замерзать и гореть в гибких, точных и мохнатых движениях игры.)

— Путешествие в прошлое? Это можно, — сказала Ностальжи, посмотрела снизу вверх, встала, открыла дверь и поманила Н. за собой.

«Слабым манием руки», — подумал начитанный обломками слов и словосцепок Н.

На крыше высоты свистел ветер, растяжки телеантенн постанывали, как муторно спящие арфы.

— Ну-ка... — Ностальжи подтянула вверх жемчужно-серую кримпленовую юбку, скатала с бесконечной нейлоновой ноги полоску чего-то умопомрачительно нежного, тугого и кружевного («подвязка», — вспомнил слово начитанный Н.), растянула пальцами это тугое на голове Н., как на скорняжной болванке, и ловко пристроила ему на глаза: не смотри, дескать, сюрприз.

Н. стоял и глупо улыбался, и слезы текли из-под подвязки, когда Ностальжи, не опуская узкой юбки, подняла нейлоновую ногу и сильно, точно, поступательно толкнула его в спину.

— Вам почувствовать пора бы, как вкусны и нежны крабы, — сказала она вслед.

27 января все российские СМИ, как всегда, поминали годовщину снятия блокады Ленинграда.

«Целая улица Санкт-Петербурга переоделась в прошлое», — прочел Н. в новостях.

«Интересно, где это в Питере — улица Целая?..» — думал Н.

Прочих мыслей, которые были бы не обценны, он по данному поводу не имел.

Н. читал книгу про несколько Римов.

— У тебя какой Рим? — спросил он друга, тихо тупящего в смартфон в углу дивана.

— У меня — третий Рим, — ответил Костя Иночкин.

— А нужен — тридцать третий Рим!.. — назидательно продолжил Н.

И оба хором, как в детстве, торжествующе воскликнули:

— У товарища Дынина весь Рим испорчен!..

— Ничего в вашей церкви не пойму... Безумие какое-то, — промолвил Костя Иночкин.

— И чего же ты не поймешь? — спросил Н., поморщившись (терзала его изжога).

— Люди, имеющие виллы и яхты, учат бюджетников, как не надо собирать сокровища на земле, монахи учат семейных, как детей рожать и воспитывать, двадцатилетние мальчишки в рясах дают бабушкам старческие советы...

«Ой, отвяжись ты от меня, ради Бога, с одним-то и тем же все время!» — порывнулся было вскричать Н., но не вскричал: во-первых,

знал, что произнесение слова «Бог» распалит друга распалением Цицероновым на много часов; во-вторых, столб жгучей кислоты в этот момент вскипел уже под самым горлом, перекрыл дыхание.

Ностальжи вздохнула, быстрыми мелкими клевками загасила сигарету в баночке из-под горошка, улыбнулась прозрачными крыжовенными глазами, потянулась как кошка — одними плечами, ткнула Костю локтем в бок:

— Да ладно тебе! Ведь это ты, Иночкин, сам во всем виноват.

— Как?! — залился Костя пунцовым, захлопал белесыми ресницами.

— А так. Ты начал фехтоваться на палках? И все стали фехтоваться на палках! — рассмеялась Ностальжи.

Костя поморгал, выдохнул, помотал головой, улыбнулся:

— Это точно! А кое-кто и через речку начал прыгать!

— Я ни при чем! Не скажу кто, но это был слоненок! — бодро через силу улыбнулся и Н., вытащил из шкафчика картонную коробочку с содой, нацелился в нее чайной ложкой.

Ностальжи встала из-за стола, мягко отобрала у него ложку:

— Сядь уже! Сто раз говорила: соду надо сначала кипятком гасить, дыру в желудке сделаешь...

И, как всегда, она была права.

В молодости Н. немало путешествовал по миру.

Бывая в Чехии, он всегда привозил своим друзьям, братьям Кржемелику и Вахмурке, какой-нибудь русский экзотический сувенир. Однажды он привез и вручил им книгу «Евгений Онегин».

— Что это? — спросили Кржемелик и Вахмурка.

— Это Пушкин, — сказал Н.

— А что это — Пушкин?

— Это наше все, — объяснил Н.

Братья, один из которых по воскресеньям был служкой в костеле, а другой толкал парням кислоту в местном ночном клубе, открыли книгу, прочли: «Облатка розовая сохнет на воспаленном языке» — и мечтательно задумались, каждый о своем.

Слушая (или читая, что не так важно) лекцию по современному искусству, Н. пометил на полях: «Искусство как способ коммуникации: такие произведения, как „4'33"“ Кейджа или книга с пустыми страницами, с одной стороны, совершенно отданы реакции собеседника, а с другой стороны, совершенно им не интересуются».

Н. любил отмечать День переводчика. Подымая в этот день тост, он всегда поминал профессора

К., который на первом курсе преподавал у них зарубежку. В келье К., стандартно забитой книгами, один стеллаж был специально выделен под плохие переводы; рядом со стеллажом на стене висел постер с покровителем плохих переводчиков изумрудным Мастером Йодой и надписью: «Придумал, шли дождь что по улице и красногвардейца два, я». Н. любил, бывая у К. в гостях, простаивать у этого стеллажа и упоенно листать переводные образцы европейской псевдоумной прозы, а также в ярких обложках на нечистой бумаге томики американского хоррора, которые он затем, в течение лет, один за другим последовательно не узнавал в экранизациях.

* * *

Н. прочел:

На машинке, пером от руки —
Не бросайте писать дневники!
Не стирайте строки...

— На фиг, — деловито сказал Н., смял листок, поддел брезентовой верхонкой чугунную щеколду печной дверки, кинул листок в огонь.

Н. любил сжигать свои, как он называл, архивы. Бумаг было много, сжигать приходилось довольно часто. Когда друзья заставляли его за этим занятием, то неизменно говорили: «О, Гоголь жжет второй том „Мертвых душ“!..», а Н. неизменно отшучивался, что не Гоголь, а Моголь, потому что вот второй том все сжигаю и сжигаю, а первый так и не написал.

Неладно вкинутый в печь бумажный комочек выпал наружу. Н. подхватил его; на опаленном желтоватом проступало чернильное:

нас спасет, как пожатые руки
— Как молоды мы были! — нарочито громко вслух сказал Н.

Но внутри, как в доме без эха и теней, ничто не отозвалось в ответ.

Костя Иночкин обвел взглядом стены комнаты Н., уставленные стеллажами с книгами, и саркастически сказал:

— Из всех этих кирпичей ты мог бы еще один дом построить! Я, например, только электронной читалкой пользуюсь. Такое же количество книг и — всегда с собой.